

Илья Будрайтскис

Мир, который построил Хантингтон
и в котором живём все мы

Илья Будрайтскис

**Мир, который построил
Хантингтон и в котором живём все
мы. Парадоксы консервативного
поворота в России**

Книжный магазин "Циолковский"

2019

УДК 141.7
ББК 87

Будрайтскис И.

Мир, который построил Хантингтон и в котором живём все мы. Парадоксы консервативного поворота в России / И. Будрайтскис — Книжный магазин "Циолковский", 2019

ISBN 978-5-6043673-2-2

Успехи консервативного популизма принято связывать с торжеством аффектов над рациональным политическим поведением: ведь только непросвещённый, подверженный иррациональным страхам индивид может сомневаться в том, что современный мир развивается в правильном направлении. Неожиданно пассивный консерватизм умеренности и разумного компромисса отступил перед напором консерватизма протеста и неудовлетворённости существующим. Историк и публицист Илья Будрайтскис рассматривает этот непростой процесс в контексте истории самой консервативной интеллектуальной традиции, отношения консерватизма и революции, а также неолиберального поворота в экономике и переживания настоящего как «моральной катастрофы». В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 141.7

ББК 87

ISBN 978-5-6043673-2-2

© Будрайтскис И., 2019

© Книжный магазин
"Циолковский", 2019

Содержание

Введение	6
Консервативный стиль	8
Российский поворот	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Илья Будрайтскис

Мир, который построил Хантингтон и в котором живём все мы. Парадоксы консервативного поворота в России

© ООО «Книгократия» • 2020

© Илья Будрайтскис, текст • 2019

* * *

Консерватизм, массово овладевший российским населением после распада СССР, через 20 лет перешёл в контрастную ситуацию и на Западе, и на ближнем Востоке.

В то же время в общественных науках последних 30 лет его не очень-то принимали всерьёз. Консерватизму посвящено довольно мало работ, да и те обычно – филиппики, сводящие его к той или иной патологической симптоматике. «Консерваторами» в западной философии и социологии соглашаются называться редкие чудаки (но и те – тайные либералы). Многим представляется, что консерватизм – это не только ориентация на прошлое, но что и сам он принадлежит прошлому. Между тем, как показывают политические события, это отнюдь не так. Книга Ильи Будрайтскиса, известного российского публичного интеллектуала левой ориентации, обладает тем редким достоинством, что, при всей ангажированной критике консерватизма, воспринимает его всерьёз. Целый ряд подробных разборов консервативного дискурса в России и за её пределами не оставляет сомнений, что консерватизм остаётся одной из ведущих идеологий современности и основным оппонентом левых.

Артёмий Магун, философ, политический теоретик, профессор ЕУСПб

Тексты Ильи Будрайтскиса – сегодняшнее воплощение того, что, на самом деле, является «критической теорией». Это критика нынешней политической и социальной системы, критика перезрелых, гнилых идеологий, претендующих на актуальность.

Кирилл Кобрин, эссеист

Книга анализирует спутанность и сложность реакционного популизма, в котором смешиваются этические требования справедливости и суеверия с добавкой ксенофобии и гомофобии. Ценность подхода Ильи в том, что консервативное, реакционное наступление понимается как борьба на уровне смыслов и ценностей, а не как обскурантизм рациональности, которому противопоставлены просвещённые элиты. Таким образом, консервативное движение рассматривается на уровне политического, а не полицейского (согласно классификации Рансьера).

Но политическое требует «иного толкования существующего», т. е. нуждается в новом воображении и новой рациональности. Но это можно сделать, только выйдя за границы критической риторики и показав другую сцену. Такая задача требует перепрочтения левой теории в перспективе эмансипаторной демократии.

Алла Митрофанова, философ, участница Киберфеминистского Интернационала

Введение

Сегодня практически любой разговор о «консервативном повороте» предсказуемо обращается к причинам недавних электоральных коллапсов – таких, как британский референдум о выходе из ЕС, победа Трампа на президентских выборах в США или Болсонару в Бразилии. Все эти события принято связывать с феноменом правого популизма, политическая риторика которого придаёт новое звучание, казалось бы, давно известным формулам консерватизма: единству нации перед лицом внешних и внутренних врагов, защите привычного образа жизни и «традиционных» моральных ценностей и, конечно, ностальгии по утраченному славному прошлому.

Реакции либеральных аналитиков и журналистов на эти популистские прорывы, как правило, связывают их с торжеством аффектов над рациональным политическим поведением. Либеральная демократия, представляющая себя в качестве единственного легитимного наследника Просвещения и его установки на прогресс человеческого разума, как бы неожиданно сталкивается с вытесненным миром эмоций и предрассудков. Поэтому, очевидно, что и ответ на вызов правого популизма должен быть основан на переопределении места чувства в демократической системе. Так, Фрэнсис Фукуяма выступил со статьёй, в которой связывал успех Трампа с утратой либеральным проектом качества захватывающего зрелища и силы эмоционального вовлечения¹. Впрочем, более распространённой линией объяснения успеха правого популизма остаётся (например, в последнем открытом письме, подписанном Бернаром Анри Леви, Светланой Алексиевич, Орханом Памуком и другими либеральными интеллектуалами)² аргумент иррационального страха и невежества. Так или иначе, налицо психологизация популистского поворота, которая рассматривает новую консервативную волну, прежде всего, как радикальную несовременность – выбор дезориентированных масс, продиктованный неуверенностью в будущем и желанием продлить свою жизнь в иллюзорном прошлом вместо того, чтобы смело смотреть в лицо настоящему и побеждать собственные страхи (в том числе связанные с ростом социальной и экономической нестабильности). Эмоциональный консерватизм популистов предстаёт как свидетельство кризиса в более или менее сбалансированной политической системе, которая прежде успешно функционировала в западном мире на протяжении десятилетий.

Представление о консервативном выборе как об антисистемном и радикальном заставляет взглянуть иначе на консерватизм как таковой. Ведь его устоявшееся понимание связано как раз с обратным значением: умеренностью, неготовностью к резким переменам, стремлением защитить то, что имеется в действительности и унаследовано из прошлого. Более того – сам призыв к защите ценностей либеральной демократии от атак популистов также может быть охарактеризован в качестве консервативного: зачем отвергать систему, уже доказавшую свои преимущества ради безответственных обещаний, за которыми не стоит ничего, кроме негативных эмоций? Неслучайно, что электоральными жертвами правого популизма становятся не только либеральные и левые центристы, но и традиционные консервативные партии (вроде немецкой ХДС или британских консерваторов), которые вынуждены радикализировать свою риторику, чтобы не потерять избирателей. Консерватизм, как сила разумного компромисса и политической стабильности, отступает перед напором консерватизма протеста и неудовлетворения существующим.

---

¹ Fukuyama F. «US against the world? Trump's America and the new global order». Financial Times, 11.10.2016. <https://www.ft.com/content/6a43cf54-a75d-11e6-8b69-02899e8bd9d1>

² «Fight for Europe – or the wreckers will destroy it». Guardian, 25.01.2019. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/jan/25/fight-europe-wreckers-patriots-nationalist>

Однако если обратиться к консервативной интеллектуальной традиции, в таком конфликте нет чего-то принципиально нового. Более того, с момента своего рождения (на рубеже XVIII–XIX вв.) консерватизм одновременно презентовал себя и как разумная осторожность, и как радикальная реакция. Динамическое сочетание этих «двух душ» консерватизма на протяжении всей его истории придавало ему невероятную силу адаптации в различных национальных контекстах, политических системах и меняющейся рациональности рыночного общества. Консервативная риторика оказывалась востребованной разными классами и социальными группами. Она служила убедительным оправданием политической пассивности, но и не менее мобилизовывала на активный протест и даже вдохновляла контрреволюционное массовое насилие. Возникнув как реакция на торжество буржуазных революций в XIX веке, политический консерватизм к первой половине XX века встал на защиту принципов свободной торговли, чтобы через несколько десятилетий принять участие в создании модели «социального государства», а затем, к концу века, превратиться в главное идеологическое оружие его ниспровержения.

Консервативный стиль

Полюс разумной умеренности в консерватизме принято связывать с его англосаксонской ветвью. Такое понимание консерватизма было сформулировано Эдмундом Бёрком в конце XVIII века как прямой ответ на вызов Французской революции, которая, с его точки зрения, представляла собой попытку поставить на место действительной истории абстракцию, сконструированную философией Просвещения. Всё, что последняя считала бессмысленной грудой предрассудков, утверждал Бёрк, на самом деле и есть исторически сформировавшийся человек. В этом смысле английский гражданин, обладающий политическими правами и воспитанный духом Великой хартии вольностей – это консервативный гражданин. Он защищает свою свободу не потому, что противопоставляет её несвободе, созданной предшествующими обстоятельствами, а наоборот – постольку, поскольку воспринимает свободу как неотъемлемую часть традиции. В этом отношении британский консерватизм отнюдь не противоречил либерализму, понятому не в качестве универсалистской доктрины, но как исторически сложившиеся формы гражданской свободы (вспомним, что сам Бёрк принадлежал к либеральной партии вигов).

Таким образом, либеральный консерватизм в духе Бёрка не предполагает бескомпромиссного сопротивления современности. Наоборот, он имеет динамическую структуру и открыт для постоянного обновления корпуса ценностей, которые должно защищать. Умеренной версии консерватизма противостоит радикальная, которая также рождается как реакция на Французскую революцию. Однако речь идёт уже не о защите наследия от перемен, но о контрреволюционном ответе на революционный вызов.

Контрреволюция, как её понимает Жозеф де Местр в своих «Размышлениях о Франции», – это движение, которое рождается не из духа Старого порядка, а из факта свершившегося революционного грехопадения. Контрреволюция принимает революцию как необратимое событие: прорыв в современность уже произошёл и контрреволюция возникает из духа сопротивления Модерну.

В то же время де Местр полагал, что миссия французских аристократов, мечтавших вернуть Старый порядок при помощи иностранных войск, обречена. Контрреволюция не сводится к реставрации как простому возвращению в исходную точку, а наоборот, рождается из новой, постреволюционной реальности. Для де Местра контрреволюция, как и революция, лишена волевого субъекта, и представляет непостижимый для человеческого разума акт божественного провидения. Контрреволюцию нельзя спланировать – в неё можно только верить. Позиция де Местра, таким образом, связана и с радикальной контрреволюционной надеждой, и с пессимизмом в отношении её действительных социальных и политических оснований.

Итак, если умеренный консерватизм провозглашает своим единственным основанием сложившееся положение вещей, то консерватизм радикальный бросает вызов действительности. Там, где первый тип консерватизма видит преемственность, второй обнаруживает разрыв. Этому разделению консерватизмов соответствует различие практической политики и чистой мысли. Так, в своём классическом анализе немецкого консерватизма XIX века социолог Карл Мангейм подчёркивает, что консервативная мысль обнаруживает своё наиболее полное и глубокое содержание в Германии – стране, не пережившей революции и запоздавшей в своём политическом и экономическом развитии. Мангейм концентрируется на представлениях о консерватизме как реакции, которая обнаруживает себя не в действительном политическом движении, а в мысли, оторвавшейся от почвы. Эта мысль не имеет конкретного социального субъекта, а её представители не принадлежат ни к уходящей аристократии (интересы которой они как бы защищают), ни к новым буржуазным элитам. Радикальные консерваторы – это вольные писатели, интеллигенты, зависшие между классами. Но именно в этом состоянии у них появляется свобода для консервативной фантазии, несводимой к социальному опыту какой-

либо конкретной группы. Для Мангейма важно, что консерватизм является не идеологией, которая привязана к конкретному классу или группе, но представляет подвижный стиль мышления, который затем находит своё место в конкретной политике в самых разных политических и социальных условиях. Эта беспочвенность, бездомность, придаёт консервативному стилю исключительную живучесть и способность к воспроизводству. Общность в использовании близких фигур консервативной политики не связана с принадлежностью к единой интеллектуальной консервативной традиции. Аргументы и метафоры, к которым когда-то обращались де Местр или Адам Мюллер, могут использоваться политиками, которые не находятся с этими мыслителями в отношениях прямой интеллектуальной преемственности.

Консерватизм в своей радикальной форме проявляет себя как живой и востребованный стиль, когда общество вступает в период кризиса. Кризис может быть растянут во времени, проходить через разные фазы, но реакция элит на него заставляет обращаться к фигурам консервативного стиля, чтобы выстраивать новые социальные коалиции и способы политического управления в период, когда старые уже не работают.

В своей известной статье «Большое шоу правого поворота» (1979) британский марксистский мыслитель Стюарт Холл представил анализ восходящего тэтчеризма, как такой новой социальной коалиции, созданной консерваторами в момент кризиса модели «социального государства». Консервативный поворот для Холла – это новая практика гегемонии элит в период кризиса, когда они больше не могут управлять по-старому. Холл показывает, как внедрение новой экономической политики дерегуляции и приватизации в Великобритании опиралось на перформативный динамичный консервативный дискурс, сочетавший крайний индивидуализм с апологией семейных ценностей и возрождения внешнеполитического могущества.

Возвращаясь к определению «стиля мысли», данному Мангеймом, важно помнить, что его проявление в новых исторических эпохах никогда не исчерпывается простым повторением идей и образов прошлого. Подобно стилю в искусстве, стиль мысли находится в постоянном развитии, добавляя к своим первоначальным элементам новые черты. Такое качество стиля, в первую очередь, характерно именно для консерватизма – как течения, органически не связанного ни с одной социальной группой, а потому способного к постоянным модификациям в связи с меняющимися обстоятельствами. Иными словами – для того, чтобы быть консерватором, нет никакой необходимости иметь под ногами твёрдую почву в виде традиций и связей, унаследованных от прошлого. Наоборот, консерватизм всегда открыт к изменениям и включением в свой арсенал прежде не характерных для него идей.

Союз консерватизма и неолиберальной апологии «свободного рынка», впервые возникший в США и Великобритании на рубеже 1960–70-х гг., к 2000-м гг. распространился во всём мире, обретая, тем не менее, в каждом конкретном национальных условиях особые черты, связанные и с наличным балансом социальных сил и особенностями интеллектуальной традиции. В эту тенденцию вписывается и сегодняшний консервативный поворот в России, который стал результатом сложения обстоятельств экономического кризиса, генеалогии политической элиты (оформившейся в процессе приватизации и рыночных реформ 1990-х гг.) и актуализации богатого наследия русской консервативной мысли двух последних столетий.

Российский поворот

Начало консервативного поворота в России принято связывать с ситуацией политического кризиса, сопровождавшей избрание Путина на третий президентский срок в марте 2012 года. Если на протяжении 2000-х годов российский режим предпочитал публично обозначать себя как технократический, завершающий «нормализацию» общества после социальных катаклизмов и политики «шоковой терапии» первого постсоветского десятилетия, то к началу 2010-х годов он был поставлен перед необходимостью найти новое идеологическое обоснование собственной легитимности. После «болотных» протестов позиция Путина уже не могла быть обозначена через фигуру деполитизированного консенсуса, а его политический режим – как форма затянувшегося транзита к глобальной капиталистической «нормальности», в которой рыночная конкуренция в экономической сфере органически предполагает демократическую конкуренцию в сфере политики. Необходимо было найти новый политический язык, при помощи которого дальнейшее сохранение режима предполагало бы иные практики гегемонии.

В феврале 2012 года, накануне выборов, Путин выступил на 200-тысячном митинге в Лужниках. Его обращение опиралось на логику конфронтации меньшинства, атакующего исторические основы российского государства, и «молчащего большинства», заинтересованного в стабильности, преимуществах власти и уважении к традициям. Кульминацией путинской речи стали строки из лермонтовского «Бородина», обозначившие линию извечного противостояния с Западом, целью которого во все времена являлось уничтожение национальной независимости³. Получалось, что подлинным источником протестов становились не внутренние противоречия, но внешняя злая воля, сознательными или бессознательными агентами которой выступают оппозиционные силы. Конфронтация, таким образом, становилась не политической, а исторической и культурной. Показательно, что в момент произнесения этой речи, принципиальной для понимания российского консервативного поворота, была развёрнута агрессивная кампания против *Pussy Riot*, за неделю до этого осуществивших свой известный перформанс в Храме Христа Спасителя.

Теперь поддержка Путина на выборах определялась не только политическими аргументами (главным из которых был страх дестабилизации), но верностью народа самому себе, основополагающим ценностям (православию и авторитету государства), без которых было бы невозможно сохранение России в прошлом. Таким образом, уже в начале третьего срока Путина вопросы культуры, истории и морали были обозначены как эссенция политики – её подлинное, более глубокое содержание.

В 2014 году, после присоединения Крыма и вступления в политическую конфронтацию с Западом, открывается новый этап российского консервативного поворота. События на Украине с самого начала были обозначены не только как внешнеполитический вызов, но и как прямая угроза внутренней стабильности. Согласно официально принятой антиреволюционной конспирологии, опасность *regime change* была связана с импортом «ложных ценностей», разрушающих единство государства и общества. Противостоять этой скрытой внешней агрессии может лишь морально здоровая нация, в которой произвольность индивидуальных или групповых интересов преодолевается через общность объединяющих принципов. Сплочение перед лицом угрозы, утверждаемое через мораль и культуру, стало главным оправданием сокращения социальных расходов и политики «строгой экономии».

Российский консервативный поворот неразрывно связан с углубляющимся кризисом политической и экономической модели постсоветского капитализма. Его риторика, вызываю-

---

³ «Выступление Владимира Путина на митинге в Лужниках». РИА Новости, 23.02.12. <https://ria.ru/20120223/572995366.html>

щая постоянные насмешки и обвинения в архаике со стороны либеральной оппозиции, тем не менее доказала свою действенность на протяжении по крайней мере прошедших семи лет. Фигура консервативного «молчащего большинства», поддерживающего правительство как единственного настоящего защитника суверенитета и «традиционных ценностей», опиралась не только на агрессивную официальную пропаганду, но умело использовала разрозненные элементы консервативного стиля мышления, распространённые в различных этажах российского общества. Несмотря на то, что пик патриотического «крымского консенсуса» уже миновал и доверие к консервативной риторике очевидно падает, модель путинского «консервативного поворота» продолжает демонстрировать относительную жизнеспособность. Именно поэтому его критика должна опираться на глубокое понимание консервативного «стиля мышления» и его социальных оснований.

Почему консерватизм остаётся таким важным элементом идеологической гегемонии элит? Как он становится общим «здоровым смыслом» правящих и управляемых? Уместно ли говорить о современной путинской России как об одном из вариантов глобального «консервативного поворота» и что можно ему противопоставить? Вряд ли этот небольшой сборник эссе сможет исчерпывающе ответить на эти большие и важные вопросы. Тем не менее, хочется надеяться, что уже сама попытка их обозначить будет способствовать расширению и усложнению разговора о консерватизме, который в нашем контексте давно сводится к унылому формату вечного спора либералов и охранителей о судьбах России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.